

О любви

ПРЕКРАСНОЙ
И ВЕЧНОЙ

ОЛИВИЯ
УЭДСЛИ

МИНДАЛЬ
ЦВЕТЕТ

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
У97

Wadsley Olive
ALMOND-BLOSSOM

© 1923 by Wadsley Olive

Перевод с английского языка *Ю. Гончарова*

Художественное оформление *С. Власова*

Уэдсли, Оливия.

У97 Миндаль цветет / Оливия Уэдсли ; [пер. с англ. Ю. Н. Гончарова]. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 320 с. — (О любви — прекрасной и вечной).

ISBN 978-5-699-83808-0

Долгое время лорд Тони Рексфорд хранил от всех свое сокровенное желание усыновить ребенка. Искренне и пылко влюбленный в свою жену, он боялся ранить ее чувства, не хотел, чтобы Франческа ревновала к бессмертной памяти их погибшей дочери. И вот однажды на отдыхе в Испании Тони случайно увидел в реке тонущую девочку и спас ее. Взяв хрупкое тельце в руки, он понял, что не сможет позволить малышке уйти из его жизни. Но последнее слово всегда оставалось за Франческой...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Гончаров Ю., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-83808-0

ООО «Издательство «Э», 2015

Книга первая

ГЛАВА 1

Рексфорд с большим удовольствием позавтракал, выпив чашку ароматного кофе и съев немало булочек с вареньем. Потом он вышел из-под тента, украшенного белыми и розовыми кистями, чтобы посмотреть, какая сегодня погода.

А день выдался прекрасным — солнце сияло, небо казалось бездонно-синим, воздух — кристально прозрачным. Тени на фоне ярко-белых мест, освещенных солнцем, выглядели точно гравировки на граните. В такой день, по мнению Рексфорда, непременно нужно сделать что-то важное. Он вообще считал, что каждый день нужно делать что-нибудь, а если живешь в городе, то в особенности. Но делать что-нибудь в городе означало просто уехать из него куда-нибудь на природу. Правда, Паго сложно было назвать настоящим городом, но тут были улицы, а следовательно, самое лучшее — поскорее покинуть пределы этого человеческого муравейника.

Рексфорд вынул маленькую зажигалку, закурил папиросу и по привычке стал озиаться по сторонам — нет ли поблизости собаки? Сейчас в его во-

ображении встала картина его собственного двора и фигура пса с его любимым терьером Ником.

Не желая продолжать прогулку и все еще вспоминая Ника с его замечательными янтарными глазами и безукоризненным сложением, Рексфорд вернулся в отель и поднялся в комнату жены. Шел он, слегка покачивая плечами, той свободной походкой, которая всегда отличает атлета. А когда, постучавшись, он застыл в ожидании, его фигура на фоне белой крашеной двери выглядела очень большой и громоздкой.

Франческа пила шоколад в постели, читая полученные на имя Рексфорда письма и строя для него планы на предстоящий день.

Он поцеловал ее чудные волосы, перевязанные сзади широкой лентой с бантом, как у маленькой девочки, осторожно опустился на хрупкий плетеный стул, который заскрипел под его тяжестью, вытянулся, улыбнулся Франческе и сказал:

— Ну, хорошо, как же насчет этого?

Он задавал тот же вопрос каждое утро в течение всего путешествия, и Франческа, предупреждая его желания, всегда позволяла ему водить ее в такие места, которые, по ее мнению, больше всего ему нравились, где он мог бы плавать, ловить рыбу и стрелять или, по крайней мере, смотреть, как другие занимаются тем или иным спортом.

Друзья Франчески, претендовавшие на «полную откровенность» с ней, — которая, в сущности, является не чем иным, как самой докучливой назойливостью, — часто говорили ей, что Тони у нее под башмаком.

Слушая их, Франческа только улыбалась, а передавая их замечания Тони, смеялась громко.

На самом деле Франческа любила своего мужа. Она полюбила его сразу; вполне сознавая, что он был не слишком «боек» и скорее даже немного тяжеловесен, она тем не менее любила в нем эту тяжеловесность так же, как любила его золотистые волосы, хорошо приглаженные утром и перед обедом, но уже менее послушные к вечеру, так же, как любила его голубые глаза, упрямый мальчишеский рот и всю его громоздкую, сильную фигуру.

При слабом свете комнаты, в своем легком, белом костюме, он казался в это утро еще более громоздким, чем когда-либо.

Раздался стук в дверь, и, весь сияя от удовольствия, в комнату вошел слуга с большим букетом желтых роз. Он разразился целым потоком красноречия, описывал свои похождения в поисках этих роз, их необыкновенную красоту, а также красоту благородной сеньоры и щедрость ее мужа.

Рексфорд приподнял одну бровь, дал слуге пять песет и поблагодарил его. Затем, взяв у него розы, он передал их Франческе.

— Я боялся, что мне не удастся достать именно таких... желтых; ведь другие... это совсем не то!

Он пересел на край кровати и обнял жену. Оба засмеялись.

— Какая была бы трагедия, если бы этот малый не сумел их достать, не правда ли, дорогая, в такой день, как сегодня?

Франческа притянула его к себе своей белой рукой и поцеловала.

— Тебе приходят в голову чудесные мысли, Тони, — нежно сказала она, прижимая его лицо к своему.

Рексфорд просиял.

— О нет, — счастливым голосом уверенного человека сказал он, — но когда имеешь счастье быть мужем такой прелести, как ты, моя дорогая, нельзя забывать. Я и по сей час помню, как я нервничал, ожидая тебя в храме. Мне показалось это вечно-стью, и когда ты, наконец, появилась, у тебя был вид такого младенчика, мне стало стыдно и даже как-то страшно, как будто я совсем не имел права на тебя.

Он выпрямился, закурил папиросу и передал ее Франческе, затем, закурив другую для себя, добавил:

— Ты знаешь, дорогая, я чувствую себя так хорошо, сидя с тобой, как десять лет назад. Но мне кажется, ты что-то молчалива, родная; случилось что-нибудь?

Франческа засмеялась отрывистым смешком:

— Ничего, честное слово. Но ты понимаешь, что жена не может не быть тронута таким подношением в десятую годовщину свадьбы. Другие мужья, дорогой мой, после такого срока вместо того, чтобы подносить золотые розы, начинают подумывать о разводе.

Рексфорд засмеялся:

— Только плохие мужья, родная. Весь вопрос в том — способен человек или не способен оценить свою подругу жизни, и притом с самого начала.

Он встал и поправил перед зеркалом свой галстук.
— Ты знаешь, Фай, я не хвастаюсь блеском своего ума, но ты согласишься, что я сумел рассмотреть хорошую вещь, как только я ее увидел?

Он опять подошел к постели и стоял, улыбаясь жене.

— А не пора ли тебе встать?

— Дорогой мой, сейчас. Пошли мне Матильду, когда пойдешь. Ее дверь через одну от моей направо. Но, Тони, одну минутку — подойди сюда.

Он вернулся.

— Нет, сюда, сюда, совсем сюда.

Он опять встал около нее, немного заинтригованный; она протянула ему руку.

— Встань на колени, дорогой, ты так далеко от меня; и не смотри так испуганно, никто тебе ничего не сделает. Тони...

— Что, родная, в чем дело?

Его недоумевающий взгляд не мигая встретился с ее глазами.

— Тони, ты был так бесконечно мил, ты говоришь... ты сказал сегодня такие вещи, которые тронули мое сердце и даже немного поразили его. Нет, дорогой, я имею в виду «поразили» не в дурном смысле. Я говорю это по поводу твоего последнего замечания относительно умения оценивать. О дорогой, разве в тебе произошла такая перемена? Разве ты не продолжаешь жалеть, не продолжаешь вечно думать, что это... как бы сказать... тяжелое испытание, когда бывает у нас Чарльз с мальчиками?

Рексфорд высвободил свою голову из-под ее руки.

— Послушай, — твердо сказал он, — я никогда не думаю и не думал, как ты говоришь, никогда не сожалел о том, что взял тебя тогда на охоту. Мы оба рассчитывали, что все окончится благополучно, и ты должна знать, что счастливейшей минутой моей жизни была та, когда доктора, после того, что случилось, сказали, что ты останешься жива. Слушай меня, Фай, и верь мне: если грозит опасность нескольким лицам, в числе которых находится жена, мужу ни до кого нет дела, кроме жены. Выбор в данном случае предрешен, неизбежен, потому что человек просто «не выбирает». Это факт, это неотъемлемая часть жизни, потому что и жена является частью его собственной жизни. Что же касается Чарльза и мальчиков, то я просто вижу в нем великолепного спортсмена, и если ты воображаешь, что я провожу свою жизнь, тоскуя по недостижимому, то знай, моя родная, что я почти никогда об этом и не думаю.

Он встал, взял ее белый шелковый пеньюар и подал его ей.

Она скользнула в него, и он минутку постоял так, держа ее в своих объятиях.

— Ну, теперь все благополучно? — спросил он, отпуская ее.

— Вполне!

Он опять, смеясь, сжал ее в своих объятиях.

— Ты иногда бываешь прямо ребеночком, правда! Ну, теперь поспеши со своим одеванием, а я пойду

куплю на пробу местных папирос; они, кажется, очень крепкие.

Франческа услышала, как он спускается по лестнице и остановился на минутку в передней, а затем в окно увидала, как он вышел на улицу.

— Дорогой, дорогой обманщик, — прошептала она.

А Рексфорд тем временем говорил сам с собой: «Я разыграл это поразительно удачно, она совсем не догадывается, что я ее надул. Что делать! Не везет нам в этом, и нечего гнаться за невозможным. Маленький Чарльз займет пустое место, вот и все, и все-таки это будет утешением».

Он размышлял на ходу о том, что Испания, по-видимому, страна, очень подходящая для детей; они толпились у каждой двери, и каждая грязная канавка была настоящим детским царством. К нему вперевалку подбежал ребенок лет трех-четырёх, в этом зрелом возрасте уже большой мастер кланчить, и стал настоятельно требовать подачки. Рексфорд рассмеялся, дал ему песету и стал выслушивать его бесконечные благодарности. В этот миг другие ребята увидали, какое счастье выпало на долю этого пионера; они, как пчелы, окружили Рексфорда, и, пока те, которые были еще не тверды на ногах, искали поддержки, хватаясь за его брюки, дети побольше ловили его руки, и все хором жужжали ему в уши.

— Хорошо, хорошо, — сказал он, улыбаясь и смотря вниз на своих требовательных поклонников. — Натe, ловите, маленькие пираты!

Он бросил им пригоршню мелких монет, посмотрел на их свалку и пошел разыскивать папиросы.

В сотый раз обдумывал он вопрос, что сказала бы Фай на то, чтобы удочерить маленького ребенка, так — для забавы, а вернее — признался он сам себе — для того, чтобы придать жизни тот интерес, которого ей не хватало. Однако ни на минуту не остановился он на мысли намекнуть ей на это.

Мысль эта продолжала преследовать его, пока он блуждал по солнцу, поджидая Франческу и наблюдая за бесчисленным потомством испанцев, копошившимся в жаркой пыли.

Отцовская любовь к детям обычно бывает врожденной; редко можно встретить мужчину, который не любил бы детей, но у некоторых это чувство является особенно глубоким, и весь смысл жизни для них как бы воплощается в этом чувстве.

К этой категории людей принадлежал и Рексфорд, и эта врожденная черта сделала из него хорошего хозяина, отличного дядю и рыцарскую душу, — а вместе с тем и неудовлетворенного человека, как бы он ни отрицал это.

В данном случае получился как бы парадокс: то свойство, которое возбуждало в нем недовольство жизнью, вместе с тем не позволяло ему громко его высказывать; любовь или, вернее, склонность покровительствовать другим, естественно, играла самую важную роль в его отношениях с Франческой, а потому, если желания его не разделялись Франческой, он никогда их не высказывал, зная, что это могло бы ее огорчить.

Вообще, нельзя было назвать его самоотверженным человеком; просто он любил свою жену.

Франческа спустилась на веранду и подала ему знак своим белым зонтиком.

В пронизывающем ее солнечном свете ей можно было дать не более двадцати четырех лет. На самом деле ей было тридцать четыре, но у нее был тот особенный английский цвет лица, который как будто никогда не блекнет и не грубеет, и светлые волосы, одновременно напомиавшие и пепел и золото. Ее всегда называли красавицей; в действительности она была очень хорошенькой женщиной, которая умела оттенить свою красоту и которая, даже будь она бедна, все-таки казалась бы элегантною. Она была тонка почти до худобы, но одевалась так, чтобы подчеркнуть свою стройность и не выглядеть худой.

Рексфорд подошел к ней и закрыл ее белый, с серыми полосками зонтик.

— Я распорядилась подать машину, — сказала ему Франческа, натягивая длинные замшевые перчатки. — Как ты думаешь, не поехать ли нам к реке? Может быть, после завтрака нам удастся выкупаться. Я велела приготовить наши костюмы.

— О, великолепно! — сказал Рексфорд.

Пока они говорили, подъехал открытый автомобиль; верх его был поднят ввиду сильной жары. Рексфорд всегда правил сам; автомобильный спорт был его страстью, которая никогда его не покидала. Когда он не был в одном из своих автомобилей, можно было с уверенностью сказать, что он был или около него, или под ним, всегда с трубкой в зубах